

«За что формально судили верующих? Государственная идеология сталинского периода не признавала ни Церкви, ни Христа. Уже одно присутствие Церкви в мире, с позиции власти, было направлено против нее. Однако право безгласного существования Церкви было все же прописано в Конституции – наследии европейского Просвещения, а с ним связывали свое идейное прошлое большевики. И потому духовенству и верующим всегда предъявлялось обвинение в антисоциальной деятельности, в деятельности, направленной против существовавшей тогда власти. А поскольку власть в то время была советская – то в антисоветской деятельности и антисоветской пропаганде. И только в редких случаях в предъявляемых обвинениях хотя бы как-то говорилось о вере», – пишет в «Методологии и практических особенностях исследования подвига новомучеников и исповедников Российских» архимандрит Дамаскин (Орловский).

АРЕСТ

Октябрьским утром 1941 года в дом 37 по улице Осташковской в г. Вышний Волочек, где жила семья Платоновых (ссылный священник Симеон, его жена Софья Харитоновна и их дочь Вера), пришла Валентина Николаевна Троицкая, а после нее вошли чекисты, арестовавшие всех присутствующих в доме. Что было дальше, нам придется реконструировать по сохранившимся в деле №28304 документам. Первый из них датирован пятницей 17 октября 1941 года. Чистосердечное признание священника Симеона Платонова дало следствию много ниточек, ведущих к вышневолоцким верующим, из которых чекисты выбрали для ареста несколько, видимо, наиболее значимых. На следующий день будут арестованы все остальные подсудимые по делу. После карусели допросов чекисты «раскололи» на признательные показания и компромат друг на друга всех обвиняемых в антисоветской деятельности.

О Валентине Троицкой вспомнили только в воскресенье 19 октября. Осталось «подверстать» к делу еще один протокол с признательными показаниями. Но отлаженная машина внезапно дала сбой, и появился на свет документ, который достоин такого же уважения, как акты мучеников, которые в древности читали в христианских общинах.

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

«Одним из критериев рассмотрения материалов о новомучениках является безупречность поведения исповедника на следствии, то есть то, что он не оговорил ни себя, ни других. Себя – потому что в данном случае он оговаривает себя не в каких-то моральных просчетах и недостатках, а как члена Православной Церкви в несуществующей антигосударственной деятельности; ни тем более других, так как, оговаривая других, он юридически обосновывает для следствия их обвинение», – писал архимандрит Дамаскин (Орловский).

Мы узнаем из протокола первого допроса, что Троицкая Валентина Николаевна родилась в 1888 году в с. Яконово Новоторжского района Калининской обл., проживала в г. Вышний Волочек на ул. Урицкой, 44, на иждивении двоюродного брата Яконовского Евгения Андреевича. Валентина Николаевна русская, одинокая, с высшим образованием, беспартийная, имеет пятилетний паспорт, отец ее – священник, мать – домохозяйка. Получив в 1916 году звание учительницы, она ра-

Исследование

В редакцию поступил материал Дмитрия Михайлова об уроженке с. Яконово Новоторжского района В.Н. Троицкой, осужденной в 1941 году за исповедание православной веры, с официальной формулировкой обвинения «за антисоветскую деятельность». Материал публикуется в сокращении (его полная версия доступна по ссылке: <https://yadi.sk/i/p4pHtCN-3MBLa4>). Автор надеется, что откликнутся историки, краеведы, старожилы, а может, и родственники В.Н. Троицкой. Как пишет Д. Михайлов: «...чтобы узнать судьбу В.Н. Троицкой до конца и поставить вопрос о ее канонизации, если Господь сподобит...»

Валентина Троицкая: «Я готова идти даже на смерть...»

Фотография В.Н. Троицкой из дела (ТЦДНИ, ф. 7849, д. 28304-с., л. 149).

Богоявленский собор. 1941г., Вышний Волочек. Архив Д.М. Ивлева.

ботала в Ленинграде три года, заболела и приехала в родную деревню Яконово Новоторжского района, где и продолжала работать в начальной школе около четырех месяцев. В 1923 году она уехала в деревню Горницы Вышневолоцкого района, ухаживала за больной теткой и обрабатывала огород. В 1928 году ее арестовали, осудили по ст. 58 пункт 10 на 5 лет ИТЛ «за антисоветскую деятельность под видом церковной службы». В заключении она пробыла в Балахнинском лагере около 3 лет, после возвращения оттуда с 1931 года занималась домашним хозяйством у двоюродного брата в Вышнем Волочке.

Следствие пытается узнать о ее местных связях, чтобы получить имена следующих потенциальных жертв. Впервые в материалах дела появляется категорический отказ с удивительным обоснованием: «Вопрос поставлен против моей совести и долга, и называть никого не буду». Эта оригинальная формулировка выделяется из привычного арсенала канцелярских стереотипов, которую следователь не нашел чем заменить и вписал, как есть. Текст ответа подчеркнут красным. Допрос начинается с первоисточника – взаимоотношений со священником Симеоном Платоновым. Во время допроса следователь то переходит в напущение, то прикидывается наивным простаком. Ни о чем, ни с кем обшарил Платонов, следствие от Валентины Николаевны не узнало. Если бы так же отвечали и все остальные... то Платонов был бы единственным предателем, а все они – новомучениками. Следователь пытается проникнуть в эти отношения и интересуется наивно: были ли у мирянки и священника беседы духовного содержания.

Ответ В.Н. Троицкой благороден и прост:

– *Беседы духовного содержания между нами были, но тему этих бесед я отказываюсь Вам называть.*

– *Кто, кроме Вас, присутствовал на этих беседах?*

– *На этот вопрос следствию я отказываюсь отвечать и ни одной фамилии Вам не назову.*

Поразительно, что в протоколе

допроса, в бумаге, предназначенной системой для обоснования лжи, все-таки находит отражение личность человека, не идущего ни на какие компромиссы. В какой-то момент следователь намекает, что знает правильные ответы, и предлагает капитуляцию... Следует твердый отказ:

– *Вы можете рассылать своих шпионов и агентов, но от меня ничего не добьетесь.*

Наверное, в древности именно такие протоколы зачитывались на собраниях общины, чтобы люди умели вести себя на допросе. В решающий момент нам может не хватить этой школы мужества. Скромная певчая Валентина Троицкая нашла нужный тон в разговоре, как находят верную ноту при пении в хоре: «Никаких имен и фамилий называть не буду».

– *Кому Вы еще раздавали духовные мракотесные книги? – спрашивает следователь.*

– *На вопрос не отвечаю, он против моей совести.*

Следователь угрожает уже откровенно, парадоксальным образом не подследственная, а он сам вынужден открывать правду – он все знает, ему нужно только ее последнее предательство, чтобы от воспоминаний о тайных домашних богослужениях маленькой общины верующих для истории не осталось ничего, кроме горечи и стыда.

– *Ваше запирательство ни к чему не приведет, так как следствие располагает полными данными по этим вопросам.*

– *Я готова идти даже на смерть, но пусть пострадаю одна, а никого не выдам.*

И снова этот ответ не вмещается в формат чекистской писанины, следователь записывает его добросовестно, чтобы сами эти слова стали ее осуждением.

Сказанного и так хватит на статью 58, а сведения для приговора на «десятку» одним и «выпущку» другим участникам дела и без ее показаний у чекистов уже есть. Но следователь по инерции озвучивает заготовленный вопросник: кто вел службу, кто совершал таинства, снова про то, какие разговоры вели... Но все напрасно, никаких сведений от В.Н. Троицкой ему получить так и не удалось.

ВЫШНЕВОЛОЦКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПОДПОЛЬЕ

Понять эту трагедию поможет история событий, начавшихся в 1937 году с появления в Вышнем Волочке только что отсидевшего пятилетний срок в Темниковских лагерях иерея Симеона Платонова. В Вышнем Волочке семья Платоновых могла чувствовать себя в относительной безопасности, обеспечиваемой местными связями: «Поселился в г. В. Волочке, так как недалеко отсюда проживает сестра моей жены Милокова Матр. Харитоновна и ее муж Милоков Мих. Ник. – нач-к почты в с. Алексеевском». В череде трагических событий Софья Харитоновна, жена главного обвиняемого, не допрошена ни разу, хотя это ценный источник информации. Это время в Вышнем Волочке еще было зарегистрированное духовенство и два действующих храма – Богоявленский собор и Пятницкая церковь на городском кладбище. В 1937–1939гг. о. Симеон работает в регистратуре городской больницы, по очистке улиц в горкомхозе, сторожем городского театра и параллельно – регентом народного хора в соборе.

В июле 1940г. прекращены богослужения в Богоявленском соборе и в Пятницкой церкви. Начались тайные богослужения о. Симеона. Народный хор в соборе становится полноценной церковной общиной, если регент – священник. А домашняя спевка трансформируется в обычное богослужение. Тем более, что одна из певчих, монахиня Рипсимия, живет в качестве смотрителя в пустом доме в центре города.

Сам о. Симеон подробно осветил следствию подпольную богослужебную деятельность: «В дальнейшем подобные службы много проводились и у нее, и также в доме Мальшевых и у монашки Нектарии раза 2–3. Службы совершались под воскресенье и некоторые праздничные дни. Последнее время месяца два назад службы у Мальшевых и Рипсимии совершенно прекратились, а у Нектарии и Овсянниковой с большими перерывами продолжались до последнего времени...»

Борьба за возобновление богослужений в Богоявленском храме

в июле–декабре 1940г. привела к консолидации активных верующих. Пока они старались убедить Советскую власть в необходимости уважать их права на молитву в храме, власть тщательно готовилась их этого права лишиться. 25 октября 1940г. Калининским областным Советом депутатов трудящихся принято решение о закрытии Пятницкой и Богоявленской церквей. Отец Симеон составил текст коллективного ходатайства о возобновлении богослужений в Богоявленском соборе, в феврале 1941г. группа верующих отвезла его в Верховный Совет СССР. 26 февраля 1941г. решение Верховного Совета РСФСР продублировало приговор областных властей: Богоявленский собор объявили закрытым.

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС

Во вторник 21 октября 1941г. дело практически завершено, карусель допросов описывает последний круг: следствию уже все известно, но нужно получить последнее признание вины от несговорчивой Троицкой. За час работы – с 19:30 до 20:30 – опер Голубкин получит от нее на все свои вопросы четыре твердых «нет» и зафиксирует их в протоколе, занимающем всего один лист. Интересно, что в этом коротком протоколе нет взрослых признаков – следователь утверждает, а подследственная опровергает его утверждения.

– *Вы обвиняетесь в том, что принимаете активное участие в организации нелегальных сборищ, где наряду с исполнением религиозных обрядов, проводилась антисоветская деятельность, т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 58 п. 10 ч. 2 и 58 п. 11 УК РСФСР. Вы признаете себя виновной?*

– *В предъявленном обвинении виновной себя не признаю.*

– *Вы участвовали в нелегальных сборищах.*

– *Я на этот вопрос отвечать отказываюсь.*

– *Вы, будучи недовольной существующим строем в СССР, проводили антисоветскую деятельность на нелегальных сборищах.*

– *Я никакой антисоветской деятельности не проводила.*

– *Следствие настаивает на правдивых показаниях об антисоветской деятельности Вашей и других участников нелегальных сборищ.*

– *Я на этот вопрос отвечать отказываюсь.*

– *Чем желаете дополнить свои показания.*

– *Дополнить ничем не могу.*

Этот документ не нуждается в комментариях – его надо просто зачитывать перед крещением, чтобы вступающий в Церковь взвесил свое решение. Много раз Валентина Николаевна отвечает следователю: «Этот вопрос против моей совести». А в дело уже подшито многостраничное сочинение Платонова, которое завершается в свойственном ему высокопарном стиле: «предаю себя на суд пролетарской совести». С точки зрения палачей Троицкая выглядит смешно, зря комедия ломает – против совести, не скажу, не выдам, хоть убейте... Чудо, что в жерновах этой хорошо отлаженной машины сумел остаться незапятнанным хотя бы один человек: на «суд пролетарской совести» Валентина Николаевна ни себя, ни других не отдаст.

Господь помиловал ее и не попустил падения. Если документы о дальнейшей жизни Валентины Троицкой, ее пребывании в лагере и смерти попадут в руки исследователей, то возможно, мы увидим ее имя в святцах.

Подготовила
Елена МИШИНА.